

18+

АРТЁМ ГОЛОВИН

Секретики

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Артём Головин

Секретики. Часть первая

<https://litres.ru/74268994>

ISBN 9785007063098

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

И если бы я когда-нибудь сдуру завёл личный блог, то начал бы с жёсткого дисклеймера: «Внимание: содержимое может вызвать отвращение у людей с тонкой душевной организацией. Здесь нет хэппи-эндов, только сырая правда, от которой хочется отмыться. Здесь нет ни мудрости, ни вдохновения. И да, если вы привыкли судить по шаблонам, если вы из тех, кто любит делить мир на чёрное и белое, то Макс для вас — стопроцентно чёрный. Так что не теряйте время».

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

СЕКРЕТИКИ	5
Дисклеймер	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Пролог	7
Глава 1	12
Москва	12
Ноябрь 2015 год	12
Москва	27
Май 2016 год	27
Москва	38
Май 2016 год	38
Глава 2	51
Москва	51
Июль 2020 год	51
Москва	59
Июль 2020 год	59
Глава 3	73
Москва	73
Сентябрь 2017 год	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Секретики

Часть первая

Артём Головин

Иллюстратор Анастасия Васильевна Воронина

Благодарности:

Анастасия Васильевна Воронина

© Артём Головин, 2026

© Анастасия Васильевна Воронина, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-6309-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-6308-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕКРЕТИКИ АРТЁМ ГОЛОВИН

Дисклеймер

Данная книга носит развлекательный характер.

Перед вами художественное произведение, в котором реалистично отражены некоторые аспекты современной жизни. В тексте присутствуют:

- сцены употребления табачных изделий;
- эпизоды, связанные с употреблением алкогольных напитков;
- упоминания и сцены, касающиеся наркотических веществ;
- сцены с использованием нецензурной лексики;
- описания сцен насилия (в том числе и сексуального).

Данные элементы служат раскрытию характеров персонажей и развитию сюжета, не пропагандируют употребление вредных веществ и не оправдывают насилие (в том числе и сексуальное). Описанные ситуации являются частью художественного повествования. Автор показывает последствия подобных действий через призму судеб персонажей. Если какие-либо фрагменты могут вызвать у вас дискомфорт, ре-

комендуем воздержаться от прочтения.

Автор не ставит цель кого—то оскорбить. Все персонажи, события и обстоятельства, представленные в произведении, являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными лицами, организациями или ситуациями являются случайными.

Книга имеет возрастное ограничение 18+.

Внимание! Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечёт установленную законодательством ответственность.

Внимание! Курение вредит вашему здоровью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

У каждого из нас есть свои маленькие секретчики — такие тайные «скелетики в шкафу», которые мы бережно прячем от окружающих. То, чем не хочется ни с кем делиться. Типа того, когда кто-то наделал в штаны в «счастливом» детстве. Или того, как кто-то пукнул или рыгнул в автобусе (нужное подчеркнуть). И мы все несём через жизнь свои паскудные секреты.

Есть моменты, когда хочется открыть душу другу — и бокал пива даёт такую возможность. Держайте! Ваши секреты безобидны — они не приносят ни вреда, ни пользы. Отчасти, просто вызывают неприятные воспоминания.

У меня в арсенале есть и секретчики, и секреты и кое-что пострашнее. Если о первых ещё можно рассказать в захмелевшей компании, то о последних лучше хранить молчание. Так получилось, что мои секреты выходят за рамки российского законодательства. И если бы кто-то попытался разгадать их, то ориентировки на «страшного меня» появились в большинстве территориальных подразделений моего города.

Попытка — не пытка. Только вот среднестатистический интеллект и моя изобретательность — это как сравнение гу-

сеницы с реактивным самолётом.

Моё имя — Макс Лихолетов. В баре меня непременно выделяют: девушки — из интереса, парни — из любопытства (в нынешнем мире пол — просто концепция, а не директива).

Мои волосы тёмные, аккуратно уложенные, с современной стрижкой — короткие по бокам и чуть длиннее сверху, что подчёркивает форму головы. Я ношу густую бороду, усы и щепетильно за ними ухаживаю.

Мои глаза ярко—голубые, выразительные, в совокупности с черными волосами — придают облику особую привлекательность. Строгие, чётко очерченные линии скул и подбородка смягчаются едва заметными ямочками. Этот контраст мог бы сделать моё лицо незабываемым — если бы не борода, надёжно скрывающая его от посторонних глаз.

Мой рост — 183 см, у меня спортивная фигура: я трачу достаточно времени в тренажерном зале. Обожаю стиль Philipp Plein — на моих шортах красуется огромный череп.

Во мне есть что-то, напоминающее античных богов — не столько во внешности, сколько в силе присутствия. Моя харизма не требует демонстрации — она ощущается. И потому люди тянутся ко мне без лишних слов, повинувшись некому внутреннему импульсу.

Кто-то, конечно, скрипит зубами от зависти — или, может, просто ненавидит за мою безупречную уверенность. Таким я, обычно, рекомендую заняться самоанализом (возможно, они найдут там ответы на свои вопросы — и поймут

причины своей злости).

При моей яркой внешности я бы мог быть медийной личностью, но нет. Я не коуч и не паршивый блогер, как кажется на первый взгляд. Нет-нет, я совсем не публичный человек, хоть и люблю производить впечатление.

Я — врач. Хирург в областной больнице.

Мои коллеги-мужчины меня побаиваются и считают высокомерным — мне это безразлично. Зато никто не лезет с душеспасительными разговорами.

Я в восторге от своей работы. Я — профессионал с перфекционистским шиком. И да, у меня особый взгляд: неважно, кто ты, — делай дело на отлично. Иначе зачем вообще браться? Разумеется, есть и другие мнения. Больше всего забавляют те, кто считает, что достойная зарплата — это не результат работы, а аванс за намерения. Сидят такие, сложив руки, с недовольной рожей: «Платите больше — тогда будем стараться». Но если тебе не хватает, почему бы не уйти в другое местечко? Зачем тогда здесь портить воздух и волножопиться на тему нехватки денег?

В своё время мне пришлось вкалывать, чтобы выйти на достойный доход. Сейчас катаюсь на приличной машине, которая по нынешним меркам стоит как студия в Подмосковье, отдыхаю с размахом и ни в чём не испытываю нужды. А ещё я не заражён той потребительской чумой, от которой страдает большинство. Не гонюсь за новинками — в отличие от стада, которое меняет телефоны по щелчку маркетологов.

Мои любовницы единодушно заявляют: я — мистический единорог. Настоящий мужик, которого давно следовало бы внести в Красную книгу как исчезающий вид.

Увы, реальность такова: настоящих мужиков с крепким стержнем нынче днём с огнём не сыщешь. Большинство выросло под крылышком у мамки-няньки — из-за чего не научились быть самостоятельными и ответственными. Амбиции — как у Наполеона, а возможности — на уровне дошкольника. В лучшем случае они способны лишь к биологическому воспроизводству, но и тут не демонстрирует достойных качеств.

Или вот так: дура методично грызёт мозг нормальному мужику. У неё в голове простая схема: раз он взял её в жёны, значит, его личность аннулирована. Теперь он обязан существовать исключительно ради неё и потомства.

Алло, женищина, успокойтесь. Рабство давно отменили.

Я таких называю «особями» или «статистами»: есть видимость, нет содержания. И пол не важен.

Статист пока не состоялся как личность — и дело не в материальном недостатке или дипломах. Статист ещё не прошёл путь внутреннего взросления. И пока он (она) не разберётся со своими слабостями и не заставит себя вырасти — так и будет болтаться в состоянии вечного подростка.

Останется серой массой. Никем.

Но кто же такой я?

Я не статист точно, но и не человек. Я — что-то другое.

Я — за пределами этого всего.

А всё вокруг — не более чем искусная иллюзия. Эти «лица» рядом — просто маски, надетые на публику. И да, практически каждый делает то же самое, переступая порог дома. В итоге мы живём в мире подделок: никто никого не знает по-настоящему. Да и себя-то человек не знает — тонет в собственных страхах и комплексах, как в болоте.

Мне очень давно стало очевидно: я не принадлежу этому миру — ни его «людям». Я мог бы попытаться быть «нормальным», но тьма во мне сильнее. Тьма породила меня. Мог бы я быть другим? Вероятно. Если бы в моей жизни была любовь, если бы всё было легко...

Если бы судьба тогда, в детстве, выбрала для меня иной путь. Всё могло сложиться иначе.

Но она не выбрала. И «если бы» — лишь пустые слова.

Я многое помню из своего детского возраста. И то, что я помню, большинство предпочло бы стереть из памяти — как кошмарный сон.

В моей жизни тьма не была случайностью, она была *закономерностью*. Наверное, я действительно был рождён, чтобы сеять хаос и смерть — после такого резюме даже дьявол бы сказал: «Ну ок, ты победил».

У меня просто не осталось выбора: можно было притворяться «нормальным» и исчезнуть или принять свою природу.

Я выбрал честность перед самим собой.

Глава 1

Москва

Ноябрь 2015 год

— ... Этот день полон солнца. Перед глазами — река: вода несётся стремительным потоком, а напротив — высокий берег, густо укрытый сочной зеленой травой. Я замираю у кромки песчаного пляжа. Песок белый, раскалённый, податливо проседает под ступнями. Я смотрю на свои ноги и на то, как песчинки проскальзывает сквозь мои пальцы.

В песке — маленькие рыбные чешуйки; на солнце они вспыхивают, как золотые блёстки. Полуденное солнце нещадно жжёт кожу на плечах и макушке, но лучи приносят спокойствие и безмятежность.

«Сыночек...» — зовёт нежный женский голос. — «Солнышко, иди к маме, не стой у воды».

И я мчусь на её зов, переполненный радостью. Она подхватывает меня, кружит в объятиях, прижимает к себе — и я вдыхаю её запах: неуловимо цветочный, такой родной. Мы смеёмся, и в этот миг мне кажется, что я счастливее всех на

свете.

На песке — полосатый плед, на нём — термос, бутерброды с колбасой и сыром. Играет радио на батарейках. Я не понимаю, что за песня звучит, слова мне ещё незнакомы, но мелодия врезалась в память.

Я вижу, как из реки, рассекая сверкающие брызги, бежит высокий, загорелый мужчина. Но мне не страшно — это же папа. Он приближается, весело разбрызгивая воду и я, заливаясь смехом, увёртываюсь и бросаюсь прочь.

А потом мы с папой копаем ямку, куда я кладу яркий жёлтый цветок с камешками. Сверху мы накрываем эту композицию стёклышком и засыпаем песком. Папа сдувает песок со стекла, и я смотрю в маленькое окошко. Это — наш с ним секретик. Наш подземный мирок.

«Дети! Идите кушать!» — снова зовёт она, и я верчу головой по сторонам, пытаюсь понять, где эти дети. Кого она имеет введу? Ведь я единственный и любимый сын...

...и затем я просыпаюсь.

— Каждый раз, когда твоя мама зовёт к столу?

— Да, каждый раз.

На против меня — сухопарый высокий молодой мужик в свитере с оленями. На его плечи накинута белый халат. На носу — аккуратненькие тоненькие очки, светлые волосы взъерошены.

Мы — в ординаторской у кофемашины. Оба — с пластиковыми стаканчиками, в которых плещется остывший напи-

ток. Его зовут — Митя. Если официально — Вихрин Дмитрий Евгеньевич, врач — психиатр. Работает в отделении реанимации и интенсивной терапии. Если у кого-то «протечёт котелок» (коморбидные состояния, острые психозы на фоне соматических болезней) он тут же прибежит на помощь.

Митя слушает с таким видом, как будто я ему пересказываю квантовую механику на языке Майя. Мы дружим с мединститута и у нас сложился своеобразный ритуал: я рассказываю сны, а он разбирает их с позиции «профессионала».

— Яркий солнечный день — символы жизненной энергии. Мама, её голос и объятия — воплощение безусловной любви, защищённости и базового доверия к миру. Папа, игра у воды — образ отцовской заботы и радости, принятия ребёнка через совместную игру. Это всё подчёркивает целостность семейной картины, — умничает друг.

На мгновение он замолкает и отхлебывает из стаканчика напиток.

— Повторяющиеся сны — сигнал: психика «зациклилась», пытаюсь вернуть чувство безопасности. Это так?

— Ты мне скажи, ты же психиатр, — забавляюсь я.

— Ну твой вопрос про «других детей» вскрывает важный паттерн: ты дистанцируешься от идиллии, типа это не для тебя.

— Как интересно!

— Ты как бы подсознательно сомневаешься, что тебя «до-

статочно» для семьи.

— Проще говоря, ты толкуешь о том, что я пытаюсь вернуться в то время — ради равновесия? — поддел я друга.

— Это ты сказал... Похоже на правду? — Митя сосредоточенно протирает очки.

Скорее делю себя на «того счастливого ребёнка из сна» и «нынешнего взрослого», который уже не чувствует себя частью никакой семьи.

— Блин, сегодня столько историй заполнить нужно. Рехнусь. — Митя выпускает глубокий и трагический вздох, как герой античной драмы, раздавленный бременем судьбы.

— Эпикризы, направления — вот и всё стихотворение.

— И всё—таки, Макс, а ты когда ни будь чувствовал себя «лишним» в семье?

— Никогда. — с непринуждённой лёгкостью солгал я.

Друг смотрит мне в глаза, улыбается и пытается разгадать, как сложную головоломку. Но даже не представляет, сколько слоёв нужно пройти, чтобы добраться до сути. Каждый мой жест, каждое слово — как маска, идеально подогнанная под ситуацию. Он думает, что видит меня, но видит лишь отражение, которое я позволяю увидеть. Он ищет логику, причинно-следственные связи, пытается выстроить портрет на основе наблюдений. Но я — лабиринт без выхода, Митя может бродить по моим коридорам, но никогда не найдёт центр.

Ты никогда не узнаешь, кто я, потому что я и сам не до

конца знаю это...

— А сон говорит об обратном..., — друг продолжает развивать тему, как будто слышит мои мысли.

Я задумчиво смотрю в окно. Небо сегодня серое и мрачное. Митя бы сказал, что меня терзает меланхолия. Не совсем верное определение. Такая погода раньше придавала мне энергии и сил. Я любил угрюмые зимние метели ровно так же, как и майскую грозу, когда всё громыхало и разверзалось.

Но не сегодня. И дело не в банальной сонливости — я не просто хотел спать. Кажется, я достиг той легендарной стадии выгорания, которую в умных статьях описывают красивыми фразами вроде «эмоциональное истощение» (а в жизни это просто «всё заебалось»). Сегодня сила иссякла окончательно. Батарейка показала «0%».

Эти все разговоры не для *исцеления* — мне нужно понять, насколько тонко я скроен, чтобы никогда не попадаться. А он не понимает — и не поймёт — кто я и что мной движет. Митя не поможет осмыслить мои желания, увидеть в них не аномалию, а *закономерность*. Он застрял в своём примитивном фрейдизме и копошится в прошлом. Ему не под силу разглядеть моё Чудовище, и он не сможет дать пищу для настоящих размышлений.

— Слышал, сегодня утром А321 «Когалымавиа» разбился?

— Угу.

— Предыдущая крупная катастрофа была в 2008 году, вроде. Тогда в Перми разбился Boeing 737—500 авиакомпании «Аэрофлот Норд», выполнявший рейс из Москвы.

— 7 лет... — мой голос прозвучал нарочито грустно.

— Жесть. Я изучал статистику. На самолётах поэтому и не летаю. — Митя театрально закатил глаза — с таким усердием, что его лицо вытянулось ещё сильнее. Так он выражал всю глубину своего скепсиса.

— Не ты ли мне говорил, что нужно бороться со своими страхами? Вот сел бы на самолёт и полетел на Кубу, например!

— Ага, и по пути помер бы от панических атак.

Я сделал ещё глоток кофе, медленно поставил стаканчик на стол и смерил его взглядом.

— Хм. Ты точно психиатр? Что—то у тебя слишком много «индивидуальных психологических особенностей».

Друг на мгновение замер, потом рассмеялся, но я видел — за этим он пытается скрыть укол самолюбия.

— Пошутить ещё, что у психиатра должен быть свой психиатр.

— А разве не так?

— Ладно, шутник, — сказал он уже серьёзнее. — Видишь ли, когда каждый день имеешь дело с чужими «тараканами», свои начинают казаться симпатичными. Это просто моя изюминка.

— О, великий и ужасный повелитель нейронов! — я изоб-

разил реверанс. — О мудрейший диагност душ и сортировщик диагнозов! Простите, не до оценил вашего всевидящего ока психодиагностики!

Он нахмурился, но не обиделся — знал, что я не со зла.

— Так. Мне пора приступать к прямым обязанностям. — засуетился Митя. Поправил халат и потёр руки.

— Точно. Тоже пойду домой собираться. Отдохнуть хочу. «Может пожелать тебе хорошей смены и спокойной ночи?» — в голове промелькнула ехидная мысль.

— Пока.

Я вышел из здания на улицу. Стерильный запах и безликие коридоры остались позади. По пути встретил знакомых. Дежурные и пустые улыбки: «Как дела?», «Со смены?», «До скорого». Слова скользят по поверхности, не задевая глубины. Кто-то шёл на работу, а кто-то покидал её. Непрерывный цикл жизни.

На улице было промозгло и сыро. Поздняя осень... Решил срезать путь через дворы. До метро ещё далеко. В голове стоял глухой гул, хотя внешне я казался спокойным, ничем не выделялся.

В осени своя эстетика — жёлтые и красные краски, можно сказать, праздник цвета и вместе с тем — тихое увядание природы. Время «осенних шедевров» в соцсетях: все ложатся в листву, позируют и улыбаются. А то, что под ногами всё загажено собачьими сюрпризами, — это так, мелочи. Красота требует жертв.

Тем временем у организма идет перестройка — период, когда он ещё не адаптировался. Световой день сокращается — привет, дефицит серотонина и мелатонина. Результат предсказуем: хандра, бессонница и желание валяться на диване вместо работы. Для медиков начинается адисце — поварные обострения хронических заболеваний, ОРВИ, грипп и прочие радости. Иммуитет сдаёт позиции — ловите простуду на лету. А на закуску — депрессия или апатия в комплекте.

Но даже несмотря на это, мне нравилась осень. Когда—то нравилась.

А с недавних пор я стал *ненавидеть* это время. Пора признать, я пребывал в раздражении — таком глубоком, что даже привычные радости этого пёстрого мира не задевали души. Круассан с латте на завтрак? Не радует. Отсос подружки — радует только в момент эякуляции.

Эта пустота точила изнутри, не давая покоя. А потом накатывало невыносимое желание проявить себя, *обнажить секрет*, который горит во мне. Всё остальное теряло смысл. Хотелось совершить то, что наконец принесёт покой. Хотя бы временный.

Я прекрасно понимал, что происходит. Моё Чудовище проголодалось — и больше не довольствуется фантазиями. Раньше ему хватало призраков в моей голове — теперь оно требует плоти и криков.

Я пытаюсь договориться с ним: «Рано. Не все переменные

учтены. Риск превышает выгоду. Нужно выждать». Но оно не слушает, игнорирует логику. Оно пожирает меня изнутри, словно Ланганьеры, разгрызающий реальность в романах Кинга. И я почти растворяюсь. Остаётся только его гул. Но оно не осознаёт ключевой истины: мы с ним — не примитивные хищники. Мы обладаем интеллектом, стратегией и изяществом. Спонтанность — удел слабых. Мы же — архитекторы ужаса.

И я иду домой, погружённый в вязкий кокон собственных мыслей. Воздух уже несёт предчувствие холодов — тот едва уловимый металлический привкус, что проникает под кожу и заставляет внутренности сжиматься.

Иду и испытываю одновременно и спокойствие, и раздражение. Это моё фирменное сочетание в последнее время. Снаружи — безупречная маска ледяного безразличия, внутри — клубок натянутых нервов.

Как в одном теле, в одном разуме могут уживаться две такие противоположности? Я давно перестал искать логику там, где царит хаос. Пусть слабые пытаются разложить всё по полочкам. Я же вижу в противоречиях систему: не беспорядок, а особую гармонию. Я не плыву по течению хаоса, а задаю ему направление.

И вдруг я вижу её — высокую, худенькую девушку с длинными тёмными волосами в синем пуховике. На спине — вышит кроваво-красный тюльпан. На голове — капюшон. Из-под капюшона выбиваются чёрные волосы и развеваются на

ветру. В руке — телефон; она размахивает им, как маятником. Её ногти выкрашены в нежный цвет — то ли зелёный, то ли бирюзовый, — в темноте не разглядеть. Лишь свет от экрана телефона время от времени озаряет их. Вокруг — ни души. Поздно и темно.

Мир исчез. Остался лишь цветок — кричащий и манящий. И это сладкое, почти болезненное ожидание... как перед кульминацией: томительное, жгучее и полное трепета.

Неизбежное.

Она шла быстрым шагом в нескольких метрах впереди.

Я почувствовал, как Чудовище притаилось перед броском: влечение было иррациональным и непреодолимым. В одно мгновение я отсекся от всех своих слов о выжидании и осторожности.

Гул в голове исчез, оставив после себя кристальную ясность.

Вот сейчас.

Тюльпан.

Весь мой мир сосредоточился на ней. Впереди я заметил глухой двор — попасть туда можно было через арку, если пройти мимо парковки. И если Тюльпан держит путь туда, то это невероятная удача для меня.

Я почти поравнялся с ней и вдруг заметил: она не такая худенькая, как показалось вначале. Видимо, игра света и тени скрыли истинные очертания. А может пора проверить зрение?

Мы свернули в арку, в мгновение ока я оказался рядом. Мне хотелось повалить её на землю, заглянуть в глаза — увидеть в них желанную истину, впитать ее ужас, ощутить абсолютный контроль над ее жалкой жизнью.

Она, очевидно, почуяла угрозу — мгновенно оценила мой манёвр. Резко развернулась ко мне лицом, движения отточенные, без суеты. Первый удар пришёлся в плечо — резкий и хлесткий. Второй — в грудь, выбивая воздух. Не дав опомниться, она рванулась вперёд, обхватила мою шею рукой, затянула удушающий. А потом методично начала наносить удары коленом в живот, один за другим, точно под дых.

Я запаниковал.

Она швырнула меня на землю и наступила на лодыжку, сломав её, как мне показалось вначале.

«А—а—а!», — заорал я от шока.

Боль пульсировала, не давая сосредоточиться, но нужно было уносить ноги.

Потому что Тюльпан, уложив меня, побежала через арку в сторону подъезда. Нет, она не кричала, не звала на помощь, но можно было быть уверенным на все сто процентов — она вызовет ментов.

Я поднялся, прижался к стене, прислушиваясь. Вроде тихо. В глазах темнело от боли, но страх гнал вперёд. Рванул к метро. Быстро пересёк улицу, юркнул в подворотни. Благо путь до станции — по прямой несколько сотен метров, можно пройти и по дворам. Поднял воротник так, как будто бы

мне было холодно.

Старался не хромать и это далось мне очень тяжело: нужно было заставить себя не обращать внимание на адскую пытку и не заикливаться на эмоциях. Просто идти. Хоть каждый шаг и отдавался болью..., я всё-таки мог наступать на ногу. На одежде — грязь, а к спине приклеились земляные ошмётки и пожухлые листья. Но это всё было уже второстепенно.

Отряхивая одежду на ходу, я шёл вперёд — уверенно, твёрдо, не теряя самообладания. В целом справился. Так и ушёл. Лодыжка — не сломана. Скорее всего, это сложный вывих с повреждением тканей. Разберёмся. К врачам обращаться нельзя.

В голове была только одна мысль: «Что за дешёвый фарс, Макс?»

А ведь я выверял каждую деталь с маниакальной скрупулёзностью — маршруты и алиби... Каждое движение было отточено до микрона — это и было моё превосходство над хаотичным миром. Контроль — значит власть. Месяцы подготовки, месяцы ожиданий. И после стольких усилий, чтобы вот так обосраться на ровном месте?

Не знаю, звонила она в полицию или нет. Давала показания, были ли на меня ориентировки. Не знаю. И не хочу знать.

Я еле приполз домой — побитый как собака, раздавленный собственными неудачами, жалкий и взбешённый. От

мысли, что всё всплывет наружу было дурно. Даже если списать всю эту хрень на «досадное недоразумение» — ну, перепутал человека, хотел слегка обнять (или напугать/разыграть) — коллеги всё равно начнут шептаться.

Человечки любят устраивать цирк из чужих проблем — главное, чтобы было «почесать языки». Не думаю, что моё эго выдержит такое отношение.

Лодыжка горела огнём.

Снял обувь с предельной осторожностью — не потому, что боюсь боли, а чтобы не нарушить драгоценную диагностику. Уселся, приподнял конечность, оценил визуальные эффекты: сильный отёк, с пугающими багровыми разводами.

«Плохо, — подумал я, — катастрофа».

Кончиками пальцев начал методично прощупывать зону вокруг сустава. Лёгкие надавливания, затем чуть сильнее, ища точку максимальной болезненности. Если бы был перелом — понял бы сразу.

Осторожно надавил на подошву, передавая усилие вверх по ноге. Никаких острых вспышек боли — значит, целостность кости, скорее всего, не нарушена.

Медленно попытался вращать стопу — сначала в одну сторону, потом в другую. Ограничение есть, боль не резкая, но сильная. Онемения нет. Но есть чрезмерная подвижность.

«Связке пиздец», — с циничной удовлетворённостью заключил я. Приложил лёд, зафиксировал ногу эластичным

бинтом. Заказал в Маркете голеностопный ортез.

Пришлось соврать на работе: сказал, что у родственника обнаружили тяжёлую болезнь, чтобы взять отпуск. Коллеги, разумеется, пребывали в тихом (а точнее, очень громком) негодовании — ведущий хирург выпал из графика. Я уже морально готовился к тому, что на меня наведут порчу. Но всё это необходимо было ради того, чтобы хоть ненадолго перевести дух. Процесс восстановления займёт до хрена времени.

Чёрт!

Тюльпан так и не попала в мой букет. И не узнала моих секретов.

Но этот урок я усвоил навсегда.

Несколько дней я прозябал в постели, изображая из себя недееспособного инвалида: заказывал еду на дом, задёрнул шторы плотнее могильной плиты и предавался примитивным радостям — дрочил, жрал и спал. К финалу второй недели деградации вид у меня был соответствующий: бомжатына, переживший апокалипсис.

«А почему бы не довести образ до совершенства?», — подумал я с саркастической усмешкой. И решил, что буду отращивать усы и бороду. Предусмотрительность не помешает. Вдруг та дылда меня запомнила? Борода эффективно меняет облик: теперь даже при внимательном взгляде вряд ли можно будет уловить сходство — черты «смазаны», а пропорции искажены. Это первое.

Второе открытие: я не так силен, как думал. Это не просто неудача — это провал. Все эти годы я гордо считал, что мой главный актив — мозг. Реальность оказалась совершенно не такой. Пора засучить рукава и подтянуть физическую форму, чтобы в критической ситуации не стать обузой для самого себя. Как в этот раз.

«Никогда, ни при каких обстоятельствах, — твердил я себе, — ты не должен больше попадаться, Макс. Это твоя установка».

Дни складывались в недели, а боль от травмы постепенно теряла свою остроту, превращаясь в фоновый шум. Но даже это не облегчало жизни: после отпуска возвращение к двадцатичетырехчасовому рабочему дню на ногах выматывало до предела. Я приползал домой с ощущением, что каждый рабочий день превратился в изнурительный бег по кругу.

Но самое тревожное происходило внутри. Моё Чудовище всё ещё было со мной. Оно больше не бушевало, не требовало немедленного действия. Оно гудело от досады, правда не так громко, потому что осознавало, насколько близко мы были к провалу.

Теперь оно учится ждать — терпеливо, расчётливо, почти интеллигентно. И в этом новом, сдержанном голоде было что-то гораздо более опасное, чем в его прежней безудержной ярости.

Спустя полгода боль в лодыжке заметно уменьшилась — из сильной превратилась в глухую и монотонную (было ощу-

щение, что кто-то методично постукивал изнутри ржавым гвоздём). Но полностью не исчезла. Сустав по-прежнему был расшатан: при резком движении или долгой ходьбе нога предательски подворачивалась, и тогда волна раздражения прокатывалась по всему телу — не столько от физической боли, сколько от унижительных воспоминаний о той встрече.

Я привык к этой пытке, научился её игнорировать — как игнорируют назойливый шум за стеной. Почти перестал замечать. Почти. Но иногда лодыжка напоминала о себе тихим, упрямым нытьём — как напоминание о тех безрассудствах и тупости, которые чуть не стоили мне жизни. Фиксатор я ненавидел, но он давал стабильность, поэтому я надевал его каждое утро. Слабость нельзя показывать. Даже себе.

Москва

Май 2016 год

Сегодня ночная смена выдалась тихой — народу почти не было.

В декабре — ОРВИ, в феврале — обострения, в июне —

ДТП. А май — месяц полутонов. Не то что в новогодние праздники, когда твои двадцать четыре часа легко растягиваются на пару суток, а порой и на трое. В общем, обычная ничем не примечательная майская ночь.

Заступил на дежурство. Время — начало одиннадцатого. В кабинете пахнет антисептиками. Успокаивающий запах чистоты. Нужно принять больных от дневной смены. В ординаторской встречаюсь с дежурной медсестрой.

— Привет! Есть тяжёлые?

Она быстро пробегаётся глазами по журналу поступлений.

— Да, один послеоперационный в тяжёлом состоянии, двое с острой патологией в приёмном, вроде всё.

— Понял.

— Заглянешь к Иволгиной? Она жаловалась на сильные боли.

— В какой?

— Во второй.

Прохожу по палатам. В первой — мужик после резекции желудка. Не спит. Пульс стабильный, дренажи чистые. Во второй — молодая девушка с кишечной непроходимостью. Жалуется на тянущие боли. В глазах — усталость. Видно, что хочет спать, но не может. Оцениваю общее состояние и даю указания медсестре. Тут же во второй — пациентка после артроскопии. Спит. Повязки сухие и чистые, нет признаков инфицирования.

— Максим Игоревич, вы уже операционную проверили?

В дверном проёме палаты возникает женский силуэт. В весёлом взгляде медсестры—анестезиста, читается невысказанное желание — и мне всё предельно ясно.

— Собираюсь. После того, как закончу обход.

Она выглядит обычно: полноватая, в слегка помятом халате, тёмные волосы собраны в небрежный хвостик — не то, чтобы стильно, но как-то по-домашнему. Но вот глаза... Они выбиваются из этой будничной картины — всегда меня цепляют. В них — ни тени усталости, ни намёка на рутину, которой пропитаны коридоры больницы. Интересно, сколько ещё времени пройдет прежде, чем глаза перестанут «гореть» работой?

Она предлагает пойти со мной на обход — формально, конечно, «помочь». Но я-то вижу, как её взгляд на долю секунды задерживается на мне, как губы трогает едва заметная улыбка. Медики такие медики: под маской профессионализма — те же человеческие слабости, те же игры и желания. Только здесь, всё это приобретает особый, чуть более острый оттенок.

И вот мы уже шагаем по коридору. Дверь операционной мягко щёлкает, отсекая нас от остального мира. В полумраке она прижимается ко мне всем телом, её дыхание обжигает шею.

— Я думала о тебе ... — шепчет прерывисто. — Если ты сегодня не уделишь мне внимание, я сойду с ума от напря-

жения.

Её руки на моей груди, а в голосе — смесь мольбы и упрёка.

— Ну не в операционной же... — возражаю я, закатывая глаза. — Здесь не место для личных дел. Ты это знаешь, я это знаю.

— Пошли к тебе.

— Сначала работа. Потом — остальное. И у меня ещё два отчёта и один умирающий, которого надо спасти до полуночи. Приоритеты, понимаешь?

Она смеется, думает, что это шутка.

Мы, согласно инструкции, проверяем всё, что положено: операционный стол, наркозно—дыхательную аппаратуру, работу светильников и бактерицидных облучателей. Позже приступаем к проверке инструментов и материалов (от этого зависит безопасность пациентов и бесперебойность работы).

Она оглядывается по сторонам с видом заговорщицы. Ей не терпится остаться наедине. Выполнив проверку, отправляемся в ординаторскую. Обычно на смене я всегда «на ногах» — некогда сидеть в кабинете. Хирурги работают по сменам: дневные врачи уже ушли домой. И сегодня я один на отделение. Но для неё у меня есть двадцать минут.

Дверь ординаторской запирается на ключ. Уверен, весь коллектив давно сложил два плюс два: конечно, мы с ней «работаем сверхурочно». Но все делают вид, что ничего не

замечают — святая корпоративная этика. Меня это не колышет: я вольный человек. А вот у неё — семья и дети. Но это её проблемы.

Я не тщеславен — просто знаю себе цену.

Она очарована мной и ей очень тяжело сопротивляться. Как и многим другим. Я давно заметил: женщины реагируют мгновенно, мужчины — с задержкой, но тоже поддаются. Они чувствуют, что перед ними хищник, и это влечёт их сильнее любых доводов разума. Они как кролики перед удавом — моя аура завораживает и парализует.

К тому же любой коллектив — это коллектив сплетников: все всё про всех знают до «мельчайших подробностей». А у меня репутация человека, который... скажем так, знает толк в удовольствиях. Желание проверить слухи у некоторых — становится почти непреодолимым.

— Включи радио.

Она щёлкает переключателем. Из колонок тихо играет Take On Me группы A-ha. Идеально.

— Максим... — шепчет она, разворачивается ко мне спиной и плавно наклоняется вперёд. Перед глазами — её мягкий и большой зад. Задираю её халат, стягиваю трусы. Готовиться не нужно — я всегда готов. Секс для меня — просто инструмент власти.

— В верхнем ящике посмотри. — говорю тихо.

Она понимает, о чем идёт речь. Тянется к ящику, нащупывает ручку, открывает — и вот уже в руке пачка презер-

вативов.

Я приближаюсь вплотную, придвигаюсь к ней сзади и одним движением проникаю внутрь. Она вскрикивает, тут же расслабляясь, одной рукой опираюсь на стол, удерживая равновесие. Громко стонет.

— Ты со мной? — спрашивает она. — Ты сегодня такой... отстраненный.

Так и есть: мои мысли, где-то далеко, не здесь, но тело продолжает двигаться само по себе.

Что происходит?

Эта пациентка из второй... где граница между врачебной настороженностью и чем-то... личным? Я ненавижу эти моменты. Ненавижу, когда профессиональная дистанция даёт трещину. Когда пациент перестаёт быть случаем и становится человеком — живым или притягательным. Как сегодня.

Но оргазм партнёрши — дело принципа. И я стараюсь, прислушиваюсь к её дыханию, наблюдаю за движениями. Важно выбрать правильный угол проникновения. В конце концов — волшебной кнопки для кульминации не существует. А точка G — это просто чувствительная к стимуляции зона на передней стенке влагалища. И вообще женский оргазм — штука тонкая, почти неуловимая. Нельзя дать ей понять, что она перестала меня интересовать.

Чувствую, что сам сегодня не доберусь до финиша.

Что—то новенькое.

Мне нравится заниматься сексом, и, на мой взгляд, я де-

лаю это качественнее, чем большинство мужчин. И это не пиздёж про то, как она со мной «кончила 15 раз». Вот это как раз из области фантастики. Мультиоргазм может испытывать только свинья. Да, женщины могут испытывать множественный оргазм, но это такая редкость. Это сравнимо с легендой о Лох-несском чудовище: все о нём слышали, но никто не видел.

Здоровая женщина с компетентным партнёром способна достичь оргазма в пределах десяти минут. При высокой степени возбуждения — и за две. А весь этот драматический спектакль с воплями и извиванием — банальная имитация.

Я хорошо разбираюсь в базовых вещах и, если вам «закрывают доступ» — поздравляю, вы только что получили честный feedback. Вы: а) некомпетентны; б) предсказуемы; в) откровенно примитивны в постели. Её отказ раздеваться — это не игра, а трезвая оценка: зачем ей быть вашей «третьей рукой», если всё заканчивается через шестьдесят секунд предсказуемым финалом?

Секс — это не гонка, а диалог.

Что меня реально забавляет, так это тотальная имитация вокруг. В интернете — «счастливая жизнь», в спальне — «ошеломительные оргазмы», в разговорах — «глубокая любовь». Всё — декорация.

Я же предпочитаю честность.

Поэтому, когда они после первого движения начинают визжать как в дешёвом порно, я останавливаю спектакль и

говорю: «Не играй со мной».

И предлагаю сделать так, чтобы им действительно было хорошо. Поначалу они теряются, иногда пытаются уйти. Но многие остаются — и впервые узнают, что такое настоящий оргазм. Не с первого раза открывается тайна — как пел Лагутенко. Да, не всегда и не с каждой, но с большинством — получается.

С этой медсестрой — не сразу получилось, но я хорошо изучил её и знаю, чего ей хочется и как доставить ей удовольствие. Она тем временем задает быстрый темп, подаваясь на встречу моим движениям и уже близка к разрядке.

Да что со мной сегодня? Мне нужен допинг.

Многие женщины ужаснулись бы, узнав, о чём фантазируют их благоверные тайком от них. Но фантазии не криминал — просто скука и тяга к запретному. Разница в одном: зрелый человек умеет отделять фантазии от реальности.

Я закрыл глаза.

В темноте моего сознания лежала — она, девочка из прошлого. Сверху на ней светлая рубашка, снизу она обнажённая. Чёрные волосы спутались, разметались по спине. Ноги широко раздвинуты. Ногти, покрытые нежным розовым лаком, кричат о чистоте и хрупкости. Я касаюсь её прозрачной кожи: мягкой, как бархат, и тёплой, почти горячей. Она всё ещё ждёт, что кто-то придёт и остановит то, что я собираюсь сделать с ней. Но никто не придёт.

Финишировали вместе.

Медсестра осталась довольна, впрочем, как всегда. Быстро привела себя в порядок и вышла из ординаторской. Кабинет опустел. Пора приступать к своим прямым обязанностям. В коридоре — тишина. На часах — около одиннадцати.

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как воздух наполняет лёгкие. Выдохнул — медленно и размеренно, отгоняя лишние мысли. Поправил халат, провёл рукой по лицу, стряхивая остатки усталости. Всё. Готов.

А пациентка из второй палаты не выходит у меня из головы.

Спустя некоторое время я снова зашёл к ней. Она уже мирно спала. В полумраке палаты её лицо казалось восковым — бледным, лишённым румянца. Чёрные волосы были собраны в косу, но несколько прядей выбились и упали на лицо, частично скрывая его черты. Выражение оставалось спокойным, почти застывшим, но под веками заметно двигались глаза — признак того, что сон её яркий и глубокий.

Постоял, наблюдая, затем вернулся в кабинет и ещё раз внимательно изучил её историю болезни. Всё по стандарту, никаких отклонений... Но что-то не давало покоя. Что именно зацепило — не мог понять.

Ночь была спокойная и мы работали в штатном режиме. В районе пяти утра — решил выпить чашечку кофе. Зашёл в ординаторскую, налил напиток, сел за ноутбук и в поисковой строке набрал: «Тюльпан». С чего вдруг?

Прочитал первое, что выдал поисковик: «Тюльпаны имеют глубокое символическое значение. В персидской мифологии тюльпан считается символом рая на земле. В Голландии тюльпан считается символом роскоши. А в Турции — вечной страсти и любви...»

Тюльпан.

Кто-то утверждал, что любовь и страсть — самые сильные чувства, доступные человеку. Я бы с этим поспорил. На мой взгляд, подлинную мощь имеет лишь страх — он затмевает всё остальное.

— Это ты? — пробормотал я в пустоту.

Протянув руку к столу, снова нащупал злощастную медицинскую карту. Раскрыв её, с интересом изучил страницу с личными данными: Иволгина Ксения Андреевна, год рождения — 1995. Строка о месте работы оставалась пустой. Зато в разделе спортивного анамнеза чётко значилось: КМС по БЖЖ.

Что такое БЖЖ? Набрал в поисковике. Яндекс тут же выдал справку: БЖЖ — это бразильское джиу-джитсу. Основной формат: схватки проходят в контакте, с захватами, контролем дистанции и позиционированием. Ключевые элементы: броски, переводы в партер, удержания, болевые и удушающие приёмы — типичные для борцовских дисциплин.

Ну, здравствуй, Тюльпан.

Я зашёл в соцсети и запустил поиск по параметрам. Ох, спасибо, 21 век, за эти технологические чудеса. Несколько

минут пролистывал предложенные профили — и вот она. Открыл страницу: награды, фото с соревнований, улыбчивая двадцатилетняя девушка в кимоно. Длинные тёмные волосы, голубые глаза. А вот и фото, которое искал: она в синем пуховике с вышивкой тюльпана на спине позирует с подругой на фоне Красной площади.

И где ты у нас живёшь?

Моё настроение взлетело до небес — почти эйфория! Какая удача, что эта мелкая дрянь угодила со своими болячками именно в мою больницу после нашей первой встречи. Судьба умеет шутить.

Несколько минут я изучал её соцсети. Она искренне верила, что достигла совершенства, что полностью реализовалась. Наивно и забавно. Всё это — показуха, пузырь, обманка.

Разве в жизни ты не другая? Не волнуйся, я помогу тебе вернуться к реальности.

Не прошло и секунды, как мой незаурядный ум выдал готовый сценарий. Между нами — разница в пятнадцать лет. Смешные цифры, если знать, как ими манипулировать. Возраст — это не барьер, а инструмент, особенно если один из двоих умеет красиво врать.

Я — брутальный красавчик, харизматичный и, что самое главное, опытный. Умею читать людей, как раскрытую книгу. Схема проста, как три копейки: добиться её полного доверия. Благо она меня не узнала. Это будет легче, чем убе-

дить ребёнка в существовании Деда Мороза.

Москва

Май 2016 год

Пока Тюльпан коротала дни в больничной палате, я спокойно реализовывал свой план. Методично «обрабатывал» её, виртуозно имитируя влюблённость, заботу и привязанность — с хирургической точностью, так сказать. Внешне — образчик врачебного участия. По сути — просто дрессировал её чувства: привязывал, манипулировал, соблазнял, не забывая применять все свои фирменные приёмы. Каждый шаг был выверен до мелочей.

К концу лечения она испытывала ко мне откровенный интерес. Реагировала на мои прикосновения, даже если это были простые врачебные манипуляции. В общем, попалась, птичка.

В тихие ночные часы в закутках больницы мы страстно целовались, лаская друг друга. И всегда я уходил в самый волнующий момент. Пусть теперь страдает от «недосказан-

ности», пусть воображение рисует то, что я намеренно не дал завершить. Чем дольше она будет фантазировать, тем глубже увязнет в этой игре. Интрижка с хирургом — это поинтересней «подросткового» секса с членом команды по БЖЖ.

После выписки Тюльпан мы вроде как «были в отношениях» — но дозировано: я неизменно ссылался на занятость. Встречи только на её территории — раз в blue moon, оправдания — «работа». Никаких совместных фото. Ничего совместного. Телефон? Фальшивка. Сим-карта с метро, оформлена на какого-то бедного Оглы, купленная ещё в 2010—м и само устройство, купленное в комиссионке.

Девушки в двадцать очень доверчивые.

С точки зрения Митиной «науки о человеческом безумии» (то есть медицины и психологии), в этом возрасте они все наивны — и это даже не их вина, а всего лишь закономерный сбой биохимии. Мозг ещё не до конца собрался: префронтальная кора, отвечающая за здравый смысл, созревает аж до 23—25 лет.

А пока она неспешно формируется, в голове царит весёлый хаос: нейропластичность на максимуме, гормоны бьют через край (дофамин, окситоцин — всё как у наркомана на первой дозе), и вот уже риски кажутся нестрашными, чужие слова — истиной в последней инстанции, а каждый незнакомец — потенциальным добрым волшебником.

Добавим к этому ноль жизненного опыта (никаких «красных флагов» в памяти, никаких отработанных схем провер-

ки на вшивость) и щедрую порцию социальных сказок про «добро всегда побеждает зло». В итоге наивность становится удобной психологической подушкой: можно не париться насчёт коварства мира, не напрягать мозги на анализ угроз и продолжать жить радужной жизнью принцессы.

Конечно, это не глупость — просто природа решила, что взрослеть надо постепенно. Со временем гормоны успокоятся, опыт накопится, а мозг наконец-то включит режим «трезвый расчёт». Ну а пока — наслаждаемся спектаклем под названием «юная доверчивость».

Короче, я исправно навещал её с «знаками внимания» — цветами, вкусняшками, подкидывал наличку на «побаловать себя». В спальне — феерический секс. Чтобы она верила: между нами всё «серьёзно».

Иллюзии — мощный крючок.

И когда она окончательно подсела на меня как на наркотик, я понял, что пора *открыть* ей свои секретники. И на этот раз всё будет идеально. А не как тогда, когда я ещё плескался в луже наивности и неопытности.

Чудовище внутри ликует. Мы долго терпели. Очень долго... И это выматывает, расшатывает нервы. Мир сереет, а реальность плывёт. Сон уходит, а вместе с ним — и здравый смысл.

В таком состоянии легко наломать дров — как при нашей первой встрече с ней. Но не в этот раз! Ошибки — лучший учитель. Пора было сбросить маски и выпустить пар: гул по-

что достиг критической точки.

На часах было около восьми. Сегодня выдался «свободный» вечер — формально после суток на дежурстве я должен валиться с ног. Но усталость — это для слабаков. Предвкушение перебивало все чувства: меня распирало от энергии, как будто я только что зарядился от розетки. Логово готово, всё на своих местах.

План? Элементарный: она сама придёт туда, где я её жду. Остаётся только забрать — как будто бы *сорвать* цветок с клумбы.

Набрал её номер.

— Привет, котёнок. Чем занимаешься? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо, но с намёком на что-то большее.

— Привет, любимый, — её голос сразу потеплел, стал мягким и обволакивающим. — Собираюсь принять ванну и пораньше лечь спать. Не хочешь приехать? Мы не виделись несколько дней, я скучаю... — она произнесла это с лёгкой игривостью, чуть растягивая слова и мурлыкая в трубку.

— Есть идея получше. У меня для тебя сюрприз.

— Сюрприз? Приятный? — в её голосе зазвучали радостные нотки, она явно оживилась.

— Тебе понравится.

— И что это?

— Скоро ты всё увидишь.

— Приедешь ко мне? — предлагает она, и я почти вижу,

как она садится на край кровати, поджимает ноги, ждёт ответа.

— Не знаю, как лучше поступить ... — в моём голосе наигранные досада и сомнения (Тюльпан должна сама подсказать решение) — Сегодня должно было быть всё идеально (тяжёлый вздох). Я так долго готовился к этому моменту...

— Интригует! — она хихикает. — Но есть «но»?

— Да. Попросили подмениться на пару часов. Не смог отказать. И я всё ещё на дежурстве...

— Может пересечёмся у твоей работы? — предлагает она.

— А может, ты сразу ко мне домой поедешь? — я произношу это как бы между прочим, но внимательно прислушиваюсь к её реакции.

— А ключи? — удивляется Тюльпан.

— Предупрежу портье, он выдаст тебе запасные. Знаешь, я ему все уши прожужжал про этот вечер... — добавляю в голос взволнованности, вовремя останавливаюсь, чтобы не переиграть.

— Макс... — она что—то хочет сказать.

— Запиши, есть чем? — не даю ей вставить слово и начинаю диктовать адрес.

Она прерывает: «Подожди, сейчас найду ручку и бумагу!». Я нетерпеливо подгоняю, а она суетится, пытаюсь поскорее отыскать нужные вещи.

— Максим! Это так неожиданно. Но мне нужно собраться хотя бы...

В её голосе смесь сомнения, предвкушения и восторга.

— Ничего не нужно. Я всё купил — и пижаму, и щётки, и много чего ещё. Вызывай такси.

Дальше всё как по маслу. Вот она выходит из подъезда и садится в автомобиль. Направилась по указанному мной адресу. Я выехал на дорогу и пристроился за жёлтой машиной. Спустя какое-то время, свернул в первый попавшийся двор и тут же набрал её номер.

— Котёнок, ты где едешь?

— По Энгельса. Мне ещё минут сорок, может больше. А что?

— Всё ок. Попроси водителя остановиться, выходи. Я подъеду за тобой. Планы поменялись.

— Хорошо. — она была явно озадачена, но спорить не стала.

Подобрал её через двадцать минут на пустынном перекрестке. Церемониально чмокнулись и отправились в «мою квартиру» — за обещанным «сюрпризом».

По пути притормозили у какого-то магазина. Я велел ей зайти и купить вино, сунул в руку деньги и выпроводил внутрь. Пока её не было, взял её телефон — обычный Android. Графический ключ давно подсмотрел, так что разблокировал без труда. Сбросил устройство до заводских настроек, выключил, вытащил сим-карту, протёр её спиртовой салфеткой и выбросил в окно. Сам телефон — согнул, разобрал и разбросал его «останки» рядом с машиной, стараясь

не оставить на его поверхности следов.

Примерно через пятнадцать минут она вернулась, держа в руках бутылку просекко. Мы тронулись в путь.

Всю дорогу я развлекал её разговорами и расспросами, старательно отвлекая от маршрута и от телефона. Главное — не дать ей сосредоточиться: мы двигались в прямо противоположную сторону от того адреса, что я ей называл.

Через некоторое время она начала искать гаджет. Я спросил, в чём дело.

— Не могу найти телефон, — её движения стали резкими и хаотичными. Она с остервенением рылась в сумке, искала устройство под пассажирским сиденьем, в карманах — но всё напрасно.

— Макс! Давай вернёмся, я, кажется, оставила его в магазине. Набери мне.

Набрал. В ответ — короткие гудки.

— Ну капец! — на её глазах выступили слёзы досады.

— Не переживай, котёнок. Ты, наверное, выронила его, когда выходила из машины, — его уже подобрали. C'est la vie.

— Блин, там вся моя жизнь! — она была близка к истерике.

— Котёнок, послушай. — я говорил спокойно, почти равнодушно. — Завтра мы поедем в магазин и купим тебе любой телефон. Сим-карту восстановишь. Не проблема.

— Там фото! Там всё!

Как вы все зависимы от гаджетов...

— Но самые красивые фото размещены у тебя в аккаунтах, так? Ты ничего не теряешь.

...разве что собственную жизнь.

— Так. — успокоилась она.

— Ну вот и славно. — я небрежно похлопал её по колену.

— Любой купишь?

— Любой. — холодно ответил я.

Через какое—то время мы подъехали к старенькому частному дому в какой—то глуши. Дом только снаружи казался дряхлым — точно так же, как и я: облик один, суть — иная.

Она была, мягко говоря, ошарашена. А я всё ждал, когда же в ней проснётся тот самый инстинкт бойца, который не дал ей умереть при нашей первой встрече.

— Ну что, пошли? — я улыбнулся и вышел из машины, не оставляя ей выбора.

Она вышла следом, зябко застёгивая пиджак на все пуговицы.

— Максим, где это мы? — настороженно спросила Тюльпан.

— Это дом моих родителей.

— А они... дома? — неуверенно спросила она, видимо вспоминая, что нас должен был встретить портье.

— Уже легли спать... Пошли. — я взял её за руку и повёл в сторону деревянной калитки.

И ведь её подсознание уже сложило два и два, мозг пода-

вал сигналы опасности: ей было неуютно, непонятно, она задавала дурацкие вопросы, хотя прекрасно знала на них ответы. И вместо того, чтобы слушать себя, она вошла в тёмную ограду почти заброшенного дома на улице без фонарей — только потому, что считала, будто у нас есть отношения. Идиотка.

Моё Чудовище проголодалось — и больше не довольствуется призраками в моей голове — теперь оно требует плоти и криков.

Сегодня его жажда будет утолена.

Я почти сразу вырубил её — как только она пересекла границу придомовой территории: нанёс сокрушительный удар в висок. И даже если бы я не рассчитал силу, и она скончалась там сразу — мне было бы всё равно (гештальт был бы закрыт).

Мой друг Митя прокомментировал бы происходящее так: «Ситуация, которая не получила финала, продолжает отнимать твои силы, крутится в голове, мешает сосредоточиться на чём-то другом. Ты должен довести до конца — не ради жестокости, а ради внутреннего порядка. После всё встанет на свои места: тревога уйдёт, и мысли очистятся». Ну что ж, посмотрим.

Тюльпан была в отключке. Я надел синие хирургические перчатки и отнёс её в *особую* комнату, приковав к цепи. С кухни принёс Polaroid Now и сделал её снимок, немножко жалея, что сегодня на ней нет того синего пуховика.

Через какое-то время она пришла в себя. Организм спортсмена — сильный, но ещё сильнее оказалась воля к жизни. Тюльпан открыла глаза, попыталась сфокусироваться и понять, что произошло.

— Где я? Что происходит?

Она посмотрела мне в глаза и увидела лишь холодную пустоту. На свои руки и на цепь, что сковывают движения. Её разум отказывается верить в происходящее. Она пытается подняться, но не выходит: оковы держат намертво.

— Ты больной псих! — забилась она в истерике. — С ума сошёл! Выпусти меня! Немедленно!

Я подошёл и отвесил ей звонкую пощёчину.

— Заткнись.

Она опустошённо замолчала, всхлипывая.

— Пожалуйста, что ты делаешь, Максим. Этого не может быть!

— Может. — отвечаю ей, пристально глядя в глаза.

— О боже! Максим, освободи меня!

Она умоляет, судорожно мотает головой — всё ещё не в силах принять реальность. Пусть помучается, поймет, что она в ловушке. Пусть попробует осмыслить, что это конец. Но, итак, ясно: она *никогда* не осознает до конца. Никогда.

— Я не могу тебя отпустить, теперь нет...

Она громко закричала, и начала дёргаться, пытаясь вырвать цепь из пола. Безрезультатно. Я спокойно вышел и закрыл дверь на ключ.

Тюльпан просидела взаперти и в темноте несколько часов. Я методично фиксировал этапы её падения: от решимости «наказать» — до животного страха. Последние десять минут она провела, скуля под дверью, как раненое животное.

— Максим, разве ты не понимаешь, я буду с тобой всегда... пожалуйста, ты должен выпустить меня. Я люблю тебя... пожалуйста... Почему? Почему ты делаешь это? Умоляю... — еле слышно стонала она.

И снова плакала — беззвучно, судорожно. Мне было приятно осознавать, что каждое всхлипывание отдаётся болью в её груди.

— Я не хочу умирать... Умоляю, выпусти меня... Пожалуйста. Просто открой дверь и я сделаю всё, что ты захочешь... Пожалуйста... Что ты хочешь, что бы я сделала? Прошу тебя...

Мне нравится слушать её мольбы, и я молчу.

Она уже наплакалась до тошноты, до металлического привкуса во рту, до ломоты в висках. Силы почти иссякли, но истерика цепко держит её: тело содрогается в беззвучных рыданиях, и я уверен, в глазах только пустота, заполненная лишь животным страхом.

Страхом, что питает моё Чудовище.

— Ты слышишь меня? Максим? Я никому ничего не скажу... Я буду такой, какой ты захочешь... Дай мне шанс, пожалуйста... Максим. Чего ты хочешь, что мне сделать для тебя? Я сделаю всё что угодно...

Я бы мог слушать её мольбы вечно, но не сегодня. Моё Чудовище очень голодное. Настолько, что уже не может ждать... и, оно начинает сердиться, потому что его игнорируют.

Я открыл дверь — свет врывается в её темницу. Она жмурится, прикрывает глаза руками: свет режет, как нож. Какая же она ничтожная. словно страх стёр её до микроскопических размеров.

— Умеешь хранить секреты?

— Да, я никому ничего не скажу... Никому. Обещаю! — сбивчиво отвечает Тюльпан.

Она верит, что у неё есть выбор. Я подхожу к ней, заглядываю в её заплаканные глаза.

— Хочешь домой? — мой голос звучит мягко, почти успокаивающе.

Она судорожно кивает. Боится, что передумаю. Может всё ещё надеется, что это неудачный розыгрыш.

Её нос заметно покраснел и опух, кожа вокруг него натянулась и приобрела неровный оттенок. На щеках, спускаясь от уголков глаз, засохли прозрачные дорожки слёз — местами они собрались в маленькие капли, застывшие у линии подбородка. Глаза были красными, воспалёнными, белки покрылись сеткой лопнувших сосудов. Лицо приобрело землисто-серый оттенок, потеряло тонус: уголки губ опустились, веки отяжелели, а взгляд застыл в одной точке, лишённый всякого выражения.

Я отстегнул её от цепи и помог подняться на ноги.

Она всё ещё верила мне — и в этом была её главная ошибка. В глазах — робкая надежда, дрожащие пальцы касаются моей руки (на мне латексные перчатки, но она настолько раздавлена, что её мозг не фиксирует эту деталь).

Глупышка, ищет крупницы человечности, принимая малейшую ласку как спасательный круг. Её страх убежать — это страх потерять даже иллюзорную опору. Лучше знакомый кошмар, чем неизвестность за дверью.

И поэтому я целую её, нежно, в последний раз. Она цепляется за этот поцелуй, как за ниточку, ведущую в ту реальность, где этого кошмара ещё не было, неосознанно отвечая на мои опасные ласки.

А потом мои руки сжимаются на её шее.

Я наваливаюсь на Тюльпан всем телом, она оседает не в силах больше сопротивляться, и я прижимаю её к полу, наблюдая, как её лицо наливается багровым. Её ноги дёргаются в бесполезных конвульсиях, пальцы царапают мои запястья — тщетная попытка освободиться. Силы заведомо не равны.

И вот — этот момент: в глазах ещё бьётся животный страх, но уже проступает смирение. И наконец — абсолютное ничто. Только пустота, чистая и непорочная.

— Теперь ты знаешь мой секрет.

Глава 2

Москва

Июль 2020 год

Сегодня возвращался с дежурства позже обычного. Широкая дорога с тремя полосами в каждом направлении — обожаю Москву. Еду по своей полосе со скоростью, не превышающей лимит, держу дистанцию. Никого не трогаю.

— Блять!

Я резко притормозил.

Справа внезапно вклинивается блестящий чёрный Bentley Continental GT — без поворотника, с минимальным боковым интервалом. Едва не задел крыло моего автомобиля — я тут же нажал на клаксон.

Bentley нагло перестраивается прямо передо мной, резко тормозит и едет медленно, явно провоцируя. За рулем — тёлка, огромные «вареники» и очки на пол лица (похожа на навозную муху). Она смотрит в зеркало заднего вида, ловит мой взгляд — и тут же показывает фак.

— Ну, конечно. Куда ж без этого.

Я аккуратно перестроился в соседнюю полосу, чтобы обогнать — не хочется связываться с «ебобошкой». Она замечает это, резко газует и снова перестраивается передо мной — уже с другой стороны. Но не получает желаемого и начинает неистово гудеть, истерично давя на клаксон. Её харю искажает гримаса недовольства. Она размахивает руками, показывая, чтобы я опустил стекло.

Впереди — светофор, и поток машин останавливается. Опускаю стекло и подъезжаю чуть ближе.

— Вы вообще правила знаете?

— Куда ты прешь на своём ведре! Чурка вонючий! Понаехали! Ты слепой, что ли? Да ты знаешь, кто я?

О—па. Чурка. Вонючий. На ведре. Понаехали?

— ПДД для всех одинаковые. — сообщаю ей в ответ.

— Да похуй мне на ПДД, на тебя и на всех вместе взятых!

— Держитесь своей полосы. И поворотник включайте, если вдруг решите перестроиться. — мой голос звучит спокойно.

И почему владельцы дорогих тачек ведут себя на дороге как короли мира? В данном случае, как королевы. Какая—то повальная иллюзия неуязвимости, символической власти и превосходства, что ли.

Перед смертью все равны, как сказал Цицерон. Мне ли этого не знать? Если я *захочу* поделиться с ней секретами, её в принципе ничего не спасёт — ни деньги, ни власть, ни связи. Ничего. Вся эта «статусность» рассыпается в прах перед

одним простым фактом: она — такая же смертная, как и все остальные. Машина не делает кого-то лучше или важнее. Она просто везёт из точки «А» в точку «Б».

— На хуй пошёл, — произносит она раздельно, почти по слогам, и резко газует вперед на зеленый.

Конфликта не получилось.

До свидания!

Но номер запомнил. Реально взбесила до белого каления.

Видимо экзамен в ГАИ она не сдавала, а судя по её манере вождения — права, скорее всего, подарили. Слепота у некоторых представителей государственных и не очень структур — не врождённая, а ситуативная: возникает строго по факту передачи наличных.

Наверное, поэтому за рулём так много неадекватных — правила в мозг после покупки авто не загружаются из открытых источников. Зато загружаются инстинкты: «кто громче гудит — тот и прав» или «у кого больше (лучше) машина — тот и главный». Митя бы пошутил: «Дорожный дарвинизм».

Нет, я тоже, скажем так, не эталон здравомыслия. Но у меня масса плюсов: например, патологический перфекционизм и маниакальное следование правилам.

Поэтому в моей практике — минимальный уровень погрешности и смертности. 0,7% послеоперационных осложнений. 99,3% успешных исходов. Банальная дисциплина. Я просто не умею «чувствовать» пациента, поэтому следую протоколам.

В соседних клиниках цифры иные: 3—5% осложнений, а то и выше. Коллеги часто опираются на свой «колоссальный опыт», ожидая от него гарантий безошибочности. Жаль, что законы физиологии с этой теорией не знакомы. Усталость и когнитивные ограничения затрагивают всех, независимо от стажа. Опыт не всегда помогает замечать риски. Так что в процессе работы неизбежно возникает вероятность человеческой ошибки, если не следовать протоколам.

Естественно, многие коллеги поспорили бы со мной на этот счёт.

В целом, я не всегда действую рационально (признаю). Например, когда Митя, от нечего делать, предложил мне пройти обследование (тестировали новые методики) — согласился.

Предварительный скрининг показал смешанный паттерн личности с доминированием психопатических, садистических и нарциссических черт на фоне шизоидной акцентуации.

Ключевые показатели: PCL-R (тест на психопатию): 32/40 (выраженная психопатия). NPI (нарциссический опросник): 48/56 — экстремально высокий уровень. SSP (шкала садистических тенденций): 87-й перцентиль — ярко выраженная склонность получать удовольствие от контроля и причинения боли (в том числе и косвенной). SDS (шизоидная шкала): 75-й перцентиль — эмоциональная холодность, предпочтение абстрактных систем, социальная изоляция. Проек-

тивные тесты (ТАТ, рисунок человека): темы власти, подчинения, разрушения границ; отсутствие изображений тёплых отношений; акцент на инструментах, схемах и линиях разреза.

Предварительный вывод: личность организована вокруг идеи абсолютного контроля и собственной исключительности. Эмоциональная отстранённость и рационализация служат защитой от признания собственной уязвимости. Потенциально опасен в условиях слабой внешней регуляции.

Мы, конечно, поржали. Я сказал, что давал совсем не честные ответы. Мол, хотел приколоться над другом.

Но фактически, я сознательно выбрал честность.

Мне было важнее не спрятаться, а *увидеть* себя со стороны: как проявляется Альтер эго, где его границы и каков его размах. Насколько оно уже доминирует? И цифры показали правду.

Я мог бы обойти тестовые ловушки с закрытыми глазами. Обмануть тестирование не сложно: нужно представить себя законопослушным человеком и отвечать на вопросы с точки зрения закона и общепринятых правил. Главное — запомнить свою базовую позицию: вопросы повторяются в разных вариациях, и эту линию нужно неукоснительно гнуть во всех ответах. С проективными рисуночными тестами сложнее, но тоже можно справиться.

В итоге, мои секреты хранятся в полной безопасности. Маски меняются автоматически — привычка, отработанная

годами. Редко что-то ускользает. Очень редко. Я не подавляю эмоции — я их программирую. Улыбка, грусть, смех — всё запускается по команде. Ошибка возможна лишь при сбое в алгоритме: стресс, неожиданность или колоссальная усталость. Но я отслеживаю эти точки уязвимости и укрепляю их.

Так что никто не догадывается, насколько я «не такой».

Есть и другие проявления всяких разных заболеваний — и если ты в теме, то на людях не стоит всё время поправлять очки, мыть руки, перешагивать швы на плитке или шараться от лестниц. Все эти фокусы можно держать под контролем, даже если безумно хочется сделать что-то, что окружающим (скажем, врачу — психиатру) покажется странным.

Короче, притворяйся нормальным — это базовый навык выживания в социуме.

Вокруг — легионы психов, и многие из них куда опаснее меня.

Мое внимание переключилось на дорогу. Впереди маячил большой перекрёсток. Светофор переключился на желтый свет. В голове мелькнуло: «Проскочу?». Я редко нарушаю правила, но в этот раз — прибавил газу.

По дороге катился плотный поток машин. Полдень накрыл Москву своим зноем. Город грелся в этих солнечных лучах, воздух дрожал и пах асфальтом. Мне хотелось попасть домой, чтобы ощутить это тонкое чувство, когда мир остается за пределами входной двери. Хотелось покоя и ти-

шины.

Ещё чуть—чуть и я буду на месте.

Через несколько минут припарковался во дворе. Вышел. Взгляд упал на машину, купленную год назад — BMW 3 серии Long 320Li, 2019 года.

«Ведро?» — усмехнулся про себя. Да это отличная машина. Плавный ход, чуткое рулевое управление и продуманный дизайн. Я несколько раз обошёл автомобиль, касаясь рукой гладкого кузова, отмечая блеск хромированных деталей и знакомые царапины. Не идеален, но надёжен.

Казалось, BMW услышал слова той тёлки и расстроился, почувствовав себя ущемлённым — так же, как и я в тот момент. Но он не должен страдать из-за чужой тупости и хамства. Он прекрасен. Он — моё отражение.

Я поднялся в свою квартиру — в *обитель* стерильности и эстетики, мой храм чистоты среди мерзости этого мира. Аккуратно положил ключи в пиалу — с этого незначительного действия обычно начинается восстановление энергии.

Просторная гостиная встретила меня безупречной симметрией: два кресла строго напротив друг друга, журнальный столик — точно по центру. На стенах — несколько абстрактных картин в одинаковых рамах: их геометрия идеально вписывалась в общую композицию. Никаких семейных фото (их просто никогда и не было), никаких сувениров «на память» — только то, что служит визуальному порядку.

Пол — светлый паркет с чётким рисунком.

Кухня — воплощение минимализма. Всё на своих местах: ножи в держателе выстроены по длине, чашки перевернуты вверх дном, а специи расставлены по цвету и размеру этикеток.

В спальне — кровать с идеально натянутым покрывалом. Подушки выстроены в линию. Окно закрыто плотными шторами: свет должен входить только тогда, когда я этого захочу.

Ванная — царство белого и хрома. Зеркала без единого пятна, полотенца сложены по размеру. На полке — ряд флаконов, выстроенных по высоте.

Воздух пахнет лимонным антисептиком и свежестью — никакой «домашней атмосферы» с ароматами еды (иногда так пахнут некоторые коллеги и от этого запаха меня воротит). Вообще никаких «лишних» запахов. Только чистота.

Снял обувь, аккуратно поставил её в обувницу и направился в ванную — к большому зеркалу.

Вгляделся в отражение: всё такой же ухоженный и неотразимый. Но в висках стучат её слова — эти грязные, абсурдные слова. Где, в каком извращённом видении она разглядела во мне «вонючего чурку»?!

— Ну, пиздец, товарищи, — сказал я своему отражению.

И не мог унять эту внутреннюю агонию. Понимал, что сказала она это специально, что бы уколоть. И это сработало. Она не просто вывела меня из себя, а заставила сомневаться в своей уникальности.

Чудовище требовало: «Накажи».

А где её отыскать в многомиллионном мегаполисе? Хотя... Найти человека — пара пустяков (если есть дополнительные инструменты), номер-то я её предусмотрительно запомнил.

Но проблема, увы, глубже. Эта особь — не трофей, а недо-разумение. Грязная, вульгарная и лишённая малейшего намёка на достоинство.

Моё Чудовище гудит — оно в ярости. Но я знаю: скоро оно остынет. Оно слишком возвышенно, чтобы мараться о подобную особь. А Макс Лихолетов, конечно, мог бы её найти и с удовольствием раскроить ей череп — чисто из спортивного интереса. Так что пусть наслаждается своим положением, пока может. Я даже взвешивал: стоит ли тратить силы на *это*?

Москва

Июль 2020 год

Быстро ополоснулся в душе, оделся и вышел из квартиры. Сегодня Митя пригласил в гости. Ожидается — «классная»

тусовка в «теплой» компании медсестёр из его психиатрического отделения. По пути я запланировал короткую остановку у магазина. Надо купить алкоголь и что-нибудь к столу: сырную нарезку, оливки, естественно, ещё фруктов. Может чего ещё прихватить — посмотрю по ситуации. Не люблю ходить в гости с пустыми руками — это не по правилам.

Друг жил в Истринском районе — далековато от меня, если считать в московских пробках. Я же обитал в старой части Москвы: рядом с Курским вокзалом, у Садового кольца. Перед тем как отправиться в путь — зашел в кофейню — взять латте и круасан в дорогу.

Глядя на молоденькую бариста, которая готовит мне кофе, я вдруг ловлю себя на мысли: как бы отлично было пригласить её к себе домой и хорошенько отыметь, чтобы у неё дрожали колени. А потом бы я сжал её худенькую шейку так, чтобы перекрыть ей воздух. И наблюдал, как она бьётся в предсмертной агонии.

— Ваш кофе готов.

Её голос вывел из приятных мыслей, но возбуждение от собственных фантазий всё ещё будоражило.

— Ваш кофе, — повторила она, потому что я снова завис, разглядывая рисунок на её одежде. На бариста был забавный свитер с кошками. Одна большая кошка и три маленьких.

— Спасибо, — прозвучало тихо, с оттенком «томления», а в интонации отчётливо читалась «благодарность».

Бариста улыбается в ответ — и я прекрасно знаю этот

взгляд. В нём — зачарованность, смутное желание чего-то большего, ещё не осмысленное, но уже пробудившееся. Её улыбка — призывная и манящая, точно рассчитанная на того, кто достоин такого внимания. И вот она подаёт мне кофе лично в руки — не ставит на столешницу, как делает для всех остальных, — а протягивает, и её пальцы едва касаются моих.

Да, именно это мне сейчас и нужно: подтверждение, что я — центр притяжения. Но сегодня у меня другие планы.

Вышел из кафетерия, сел за руль и направился в сторону Митиного дома.

Кошки, изображённые на свитере баристы, запускают flashbacks.

Почему мне не жаль людей? Почему их боль вызывает у меня лишь раздражение, а не сострадание? Я долго искал ответ — и нашёл.

Люди — живые, да, как кошка, как собака, но их страдания — это просто информация. Плачущий ребёнок или скорбящий коллега — всё это не трогает меня. В жизни я безупречно надевал маску скорби, носил её — когда того требовали обстоятельства. Потому что люди верят в эти маски. Мир любит фальшивые слёзы. А я играю по его правилам... пока не настанет время установить свои.

Но ведь я не всегда был таким. Когда-то и я умел чувствовать — до того, как увидел истину. В детстве я таскал еду бродячим животным, хотя сам недоедал. Думал, что по-

могаю. Но теперь понимаю: это было просто отражение собственного одиночества. Я видел в них себя — отверженного и ненужного. Это была иллюзия сострадания.

И затем пришло осознание: мир не нуждается в жалости. Он нуждается в порядке. А жалость — удел слабых. Мне очень рано пришлось вырасти из этих иллюзий.

Судьба обходилась со мной гадко — испытывала всю возможную жестокость разом. Того, что я пережил, хватило бы на пятерых — но она выбрала меня одного. В моей жизни хватало и грязи, и серьёзных испытаний. Не каждый способен выдержать эти «подарки» судьбы. Но со временем я понял: эти раны — ресурс. Я понял, как устроена боль и как устроен этот мир.

Но кошки... это flashbacks.

Однажды я подобрал бездомную кошку, и притащил домой. Это было в начальной школе (в первом классе, если быть точным). Я, конечно, отгрёб по полной — жопа болела ещё неделю от «процесса воспитания». Но «сестра» обрадовалась кошке и животное оставили.

Моё детское сердце не могло не привязаться к этому жирненькому, ласковому существу. Никто не заметил её беременности — и на свет появились три полосатых котёнка. Я проводил часы у коробки: разглядывал, как они жмурятся, трогал крошечные лапки и розовые носики, вдыхал их особенный запах. В те минуты я был по—настоящему счастлив. Искренне и наивно.

По—моему, это было лето, возможно каникулы, так как я ходил на «продлёнку» как ребенок из многодетной семьи. В тот день я вернулся из школы раньше обычного. Дома никого не было. Прошёл на кухню. День стоял яркий и солнечный, свет лился в окно и полосой ложился на пол. Там, в этой золотистой полосе, нежились кошка с тремя котятами.

Я подошёл, наклонился, чтобы погладить одного из малышей, и моя детская рука коснулась его головки. Лучи солнца жгли кожу пальцев. Сначала я не понял, что не так — в этом касании было что-то неправильное. Котёнок оказался твёрдым и холодным. От неожиданности, по инерции — провёл ладонью по его шерстке ещё пару раз, прежде чем осознал всё до конца.

До меня, наконец, дошло: все четверо мертвы — и кошка, и котята. Их тела лежали неестественно вытянутыми, будто кто-то натянул их, как струны на гитаре. Это было так чудовищно и ненормально.

Кухню заливал яркий свет, щебетали птички, за окном шумели деревья и слышался звонкий смех детей. Солнце нещадно пекло. А на полу лежали холодные мертвые животные. Это был такой дикий контраст.

Я стоял и не мог пошевелиться, испытывая абсолютное ошеломление. В голове билось: «Так не должно быть!» Но мир не логичен: жизнь и смерть могут существовать в одном мгновении. Свет не изгоняет тьму, а любовь не спасает от боли. Это понимание навалилось на меня всей тяжестью и

погрузило в пустоту, где не было ни страха, ни слёз — только тишина.

Я догадался, что кошек отравили взрослые. И я понял, что животные страдали — лужицы крови у мордочек, следы рвоты на полу были красноречивее любых слов. Они мучились, но мне не суждено было помочь и всё это было неправильно.

Судьба подвела меня к черте. Это был первый рубеж. Первый круг ада, если угодно. И мне стало ясно: никаких границ нет. Есть только иллюзия морали, которую люди придумали, чтобы не бояться самих себя. И я увидел мир без фильтров: грязный, жестокий и честный.

В тот момент я только прикоснулся к этому знанию. И тогда что-то оборвалось во мне — после этой истории я больше не испытывал жалости к людям. Не то чтобы я об этом размышлял: просто однажды понял, что эти чувства больше не откликаются. Но если бы для других это была «временная болезнь», то для меня, видимо, это уже окончательный «диагноз». Моя пустота не лечится. Да я и не хочу её лечить.

Эти мысли крутились в голове всю дорогу до Митиного дома.

Возможно, где-то глубоко внутри ещё шевелится что-то живое, что-то, что тоскует по эмоциям — по теплу, по смеху, и даже по боли. Это что-то частенько проявляется в стенах Митиного дома. Но я давлю это в себе. Потому что эмоции — это ловушка. Они делают тебя уязвимым.

В зеркале заднего вида автомобиля отразилось моё задум-

чивое лицо, слегка размытое в тусклом свете уличных фонарей. Тени легли под глазами, а лоб пересекла глубокая морщина — след долгих раздумий. Очевидно, эти размышления слегка испортили мне настроение. А может, всему виной водитель Bentley, который меня подрезал.

И нет, никакой зависти к крутой тачке — я просто не запрограммирован на эти милые человеческие эмоции. Эта особь, скажем так, — ошибка эволюции. А что до тех, кому такие «губастые» нравятся... Ну, у каждого свои критерии отбора. Подозреваю, что у этих ценителей проблема не с выбором, а с самооценкой.

На торпедо запиликал телефон. Я лениво повернул голову. На экране всплыла фотография контакта — Митя.

— Алло?

— Привет! Ну ты где? Мы тут все тебя ждали уже!

— Да я почти у тебя, честно! Минут через пять точно буду, не переживай.

— Ждём! — Митя отключился.

По его голосу стало понятно, что веселье в самом разгаре. Машина свернула на знакомую улицу — фонари здесь горели тускло, деревня, одним словом. Припарковался у обочины.

Этот дом, когда—то был живым. Он дышал теплом, семейностью и какой-то беспечной радостью. Домик был небольшим. Перед ним располагался просторный палисадник с густыми кустарниками и пышными клумбами цветов.

Зелень почти скрывала окна, создавая ощущение уединённости и уюта.

К дому вела аккуратная аллея из красного кирпича — её, когда-то собственноручно выложил дед Мити. По краям аллеи выстроились берёзы.

Зимой это место дышало эстетикой: когда первый иней оседал на ветвях берёз, а земля покрывалась снегом, аллея превращалась в портал в «сказочное королевство». Шагая по ней, я ловил невероятное единение с этой красотой. Ни в каком другом месте такого со мной не происходило.

Дальше был просторный двор. В глубине участка — летняя кухня под лёгкой деревянной беседкой. Рядом располагалась отдельная зона отдыха: кирпичный мангал с коваными деталями. Чуть в стороне, между двумя старыми вишнями, был натянут просторный полосатый гамак. А вокруг — большой огород с плодоносящими деревьями.

Летом мы иногда зависали у Мити после тяжёлых смен в больнице: качались в гамаке, слушали стрекот кузнечиков и шелест листьев, подолгу молчали, не говоря друг другу ни слова. И в этом молчании не было неловкости.

Мой собственный дом был другим. Стерильным. Митин дом был полной противоположностью моего — наверное, поэтому я и приходил сюда, чтобы на время забыть, что я — это я. В доме Мити всё было несовершенно. И в то же время я чувствовал себя здесь свободным.

Я вышел из машины и на секунду замер, вдыхая влажный

вечерний воздух. Где-то лаяла собака, а из открытого окна доносилась музыка.

— Макс! Наконец-то! Заходи, мы как раз... — Митя загнулся, вглядываясь в моё лицо и чуть тише добавил: — Всё в порядке?

— Да, просто задумался. Достань пакеты из багажника. Сейчас открою.

Мы забрали продукты и прошли во двор. Мангал был разожжён, на столе разложены кусочки мяса — стандартная схема социального взаимодействия: еда и алкоголь. Среди присутствующих я опознал нескольких знакомых — пересекались в больнице. Тогда они играли роли ответственных специалистов, сейчас — роли «девушек на одну ночь». Интересно, сколько масок у каждой и какая из них ближе к истинному лицу?

— Так, кто не знает — это Максим, мой лучший друг, — громко объявил Митя, хлопнув меня по плечу с излишней сердечностью.

— Привет, Макс! — раздался дружный хор голосов.

Бокалы опустошались и тут же наполнялись вновь, смех перерастал в гогот, а взгляды уже откровенно обещали то, о чём утром будет стыдно вспомнить. Они были готовы продать душу за пару минут фальшивого тепла. Или не хотели оставаться один на один с собственной пустотой (потому что не каждый умеет с ней справляться).

Каждый раз, когда я видел такую картину — меня швыря-

ло назад, в прошлое. В ту панельную девятиэтажку на улице Ответной, дом 3, корпус 6, в квартиру 7. В ту новогоднюю ночь, которую я предпочёл бы выжечь из памяти, но она, как назло, отпечаталась в ней с чёткостью рентгеновского снимка.

Тогда пьяные взрослые не просто теряли контроль — они его торжественно сдавали, как эстафетную палочку тому, кто меньше всего был к этому готов: ребёнку.

Знай Митя эту ситуацию, он бы уже тащил меня в свой кабинет, буквально волоча за рукав и на ходу выкрикивая: «С точки зрения психологии — это классический пример ролевой инверсии! Слышишь? Ро-ле-вой ин-вер-сии!» Он бы делал паузы после каждого слова, чтобы я проникся важностью момента. «Когда ребёнок вынужден брать на себя функции взрослого, он не просто вырастет раньше срока — он теряет детство!» И обязательно бы добавил: «Это же травма, понимаешь? Травма!»

Но теперь это уже не моя роль. Моя роль сегодня — врач по профессии, надёжный мужчина по жизни, страстный и внимательный любовник, свободный человек с открытым сердцем и интересным внутренним миром.

Мы с Митей отправились делать «мужскую работу», то есть жарить шашлык. Он что-то оживлённо рассказывал, размахивал щипцами и изображал из себя мастера гриля. Я кивал в нужных местах и улыбался.

Всего собралось семь человек: я, друг, три медсестры из

нашей больницы (две явно флиртовали с Митей, третья пока выбирала между мной и спокойным сном) и семейная пара, которая приехала в конце (не коллеги).

Шашлык был почти готов — сочные куски мяса шипели над углями, дразня ноздри. У Мити урчал живот так громко, что заглушал всё вокруг. Мне на мгновение причудилось: будто бы мы не на даче в современном Подмоскowie, а где-то в каменном веке — добыли мамонта на охоте и теперь, собравшись племенем вокруг костра, будем его поедать. Только вместо шкур — шорты и футболки, а вместо каменных топоров — шампуры с AliExpress.

Митя обернулся ко мне, хитро подмигнул:

— Так, моя та, что с буферами. Ты как, Макс, уже выбрал, с кем останешься на ночь?

Я пожал плечами, стараясь, чтобы это выглядело непри-
нуждённо.

— Ну ок, забирай ту, что понравилась, — ответил ровным тоном. — Какая разница, кто будет рядом, если утром всё равно придётся делать вид, что это «что-то значило»?

Митя ухмыльнулся.

Где-то к концу «вечера» меня начала утомлять эта обстановка. Собравшиеся уже достигли «нужной» кондиции. Они считали это «расслаблением», а я видел деградацию. Только семейная пара, хорошо поужинав, отправилась спать.

Сам я не мог напиться — из-за самоконтроля. Он был настолько сильным, что алкоголь никогда не брал надо мной

верх. Не потому, что я такой «стойкий», а потому, что не позволял себе терять бдительность. Ну не любил я чувствовать себя не в ресурсе — это всё равно что добровольно отдать оружие (каменный топор) врагу.

Выпивал, конечно, — но ровно столько, чтобы испытать лёгкое чувство расслабления. Оно было похоже на игру: ты ходишь по краю пропасти, но со страховкой. Короче, контролируемый риск. Мышцы как бы расслабляются, а восприятие чуть притупляется — но разум остаётся кристально ясным. Это был тонкий баланс, который мной умело соблюдался. Как—то так.

Мне уже оказывали недвусмысленные знаки внимания — взглядами и «случайными» прикосновениями. Секс мне всегда нравился — иногда я воспринимал его как искусство (эстетика движения тел и всё такое) когда партнёрша была «особенной». Тут я мог расстараться как никогда. Но сегодня эстетики не получится. Не тот контингент.

Только одна из присутствующих осталась в таком же состоянии, что и я — почти трезвой. Она тоже играла по правилам (не теряла голову). Это вызывало интерес. Мой выбор был окончательным. Да и её тоже.

И пока остальные весело пели песни под гитару, фальшиво попадая в ноты и заливаясь смехом над собственными шутками, я решил прогуляться по территории — перед физической активностью проветрить мозг. Ночь уже опустилась на двор, и в воздухе чувствовалась прохлада — она

отрезвляла и напоминала о реальности за пределами этого пьяного веселья.

Хотелось подойти к мангалу и снова ощутить то тепло — но оно манило ложным уютом. В тени деревьев было по-своему незабываемо: тишина, запах влажной земли и шелест листьев.

Я неспешно прогуливался по аллее. Она всегда приводила меня в восторг несмотря на то, что была совсем не идеальной. Кривые камни, местами поросшие мхом, неровная дорожка — но именно в этой несовершенной геометрии было что-то настоящее.

Самые яркие воспоминания об этом доме были связаны с годами учёбы в медицинском. Тогда я часто приезжал сюда с Митей после занятий. Мы всегда проходили по этой аллее, ведущей к дому. Окна кухни выходили прямо на неё.

В окне всегда горел жёлтый свет, и там, за стеклом, сидел Митин дед — он всегда читал книгу.

Всегда.

Эта картина была вечной, как мантра.

Что бы ни случилось во Вселенной — рухни на Землю астероид, пробудись древние вирусы, восстань из праха динозавры, разразись войны, сметающие цивилизации, — дед всё равно сидел бы в кухне и читал книгу перед ужином.

Незыблемый центр мироздания, точка опоры посреди хаоса.

Я смотрел на этот свет и думал: вот он, ориентир спокой-

ствия.

Для Мити — символ семьи, тепла и стабильности.

Для меня же он был чем-то иным — маяком чужого мира, к которому я никогда не смогу причалить.

Я остановился, вдохнул ночной воздух и поймал себя на мысли: «Деда больше нет. После его смерти дом умер вместе с ним — перестал быть частью нашей с Митей жизни».

Где-то за спиной снова грянула песня, раздался взрыв смеха.

Глава 3

Москва

Сентябрь 2017 год

Её сочные губы были так желанны, а яркие ногти притягивали мой взгляд. Она точно искала приключений в этом клубе: откровенно одетая, зажигала на танцполе: светлые волосы рассыпались по плечам, а кожа была влажной (здесь душно), на щеках — румянец, глаза блестят от выпитого алкоголя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.